

БОНХОЛ

Прятаться больше не с
кем

fall mud death/prose

Бонхол Бонхол
Прятаться больше не с кем

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бонхол Б.

Прятаться больше не с кем / Б. Бонхол — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Плавание в густой смеси обречённости и безнадёжности, отсутствии планов, сопереживание здесь недоступно, нет ничего, кроме секса в уже затягивающейся петле. Содержит нецензурную брань.

Содержание

The end	5
Party 1	8
Party 2	12
Party 3	15
Party 4	18
Party 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

The end

Неопределённость нарастала, я нервничал, поэтому попытался засунуть левую руку ей в штаны. Ремень был на месте, так туго стянут, что самая нижняя складка жира закрывала половину большой квадратной пряжки.

Я приподнял жир и стал пробираться по ту сторону ремня. Движения были похожи на те, когда чешешь кота за ухом, только шерсти я не чувствовал.

Пальцы начало сводить судорогой, я занервничал ещё сильнее, потому что не мог вытащить их обратно.

Выдохни, пожалуйста. Выдохни, расслабься, откинься на спинку этого ебучего кресла. Зачем ты вообще купила эти штаны без ширинки? Понятно, что женщинам она не очень-то и нужна – так, сгодится для подстольных офисных игр, для проверки правильного расположения инородных тел в какие-то дни, для.. Мать твою..

Я настолько увлёкся, что видел перед собой только треугольник её пизды, обтянутый узкими чёрными джинсами. Пальцы левой руки заело, зажевало ремнём и складкой жира; я низко нагнулся и тянул правой рукой за левую, со стороны могло показаться, что у меня лёгкий припадок. Она проснулась через пару секунд после того, как я вытащил свои опухшие пальцы.

Между нами больше нет напряжения, мы не играем в её грубоватые игры, мы не трахаемся в её месячные; если честно – осталось только моё желание, и зачем мы сейчас сидим рядом, я не понимаю.

Дверь. Толстая дубовая дверь приоткроется, бледная рука покажется в проёме, «ты и ты – заходите».

Я говорю, что подожду здесь, что у меня слишком грязная одежда для такого чистого кабинета, что видел всё не один раз и мне это нравится, очень нравится, но не сегодня.. Я болею, кха–кха, не могу встать, да и вставить как следует тоже теперь не могу.

«Вы теряете своё же время», – говорит Бледная Рука. Если бы оно было моё, вступаю я с ней в мысленный диалог, я не стал бы его тратить на вас, даже не подумал бы идти сюда.

Я посмотрел в приоткрытую дверь – Кей уже зашла и разделась, и стояла, опустив плечи, как–то безвольно и жалко.

Давай уберём эту Бледную Руку из кабинета, вколем ей чего–нибудь и посадим на кольцевую ветку – тогда у нас будет много–много времени. Ты меня выебешь, я полосну тебя скальпелем по жопе – каждый получит своё, нам с тобой будет хорошо, как раньше. Твоя грудь уже сильно обвисла, высохла или что там с ней случилось.. Да я и не видел её другой никогда. Ты меня выебешь, ты меня выебешь..

Я вздрогнул – Бледная Рука взяла меня за плечо и потянула в кабинет. И я уже в кабинете, стою напротив голой Кей, но она на меня не смотрит. Хочется курить, но это же..это же врач, его кабинет, какая–то стерильность, правила поведения, картинки с яичниками и брюшные полости в разрезе..

Кей садится (ложится?) в гинекологическое кресло. Бледная рука изучает результаты предыдущих анализов и что–то неразборчиво напевает. Кей засовывает палец в пизду, крутит им там, вытаскивает, нюхает и брезгливо вытирает об одноразовую простыню.

«Ноги даже и не подумала побрить. Не все любят милых ёжиков..»

Рука закончила с анализом анализов и вот–вот должна была приступить к осмотру внутренних поломок Кей. Рука натянула перчатки, села перед вагиной Кей и о чём–то задумалась, если я правильно разглядел со спины. Помедлив, она указала рукой на дверь справа от входа. Я пошёл туда.

Это была совсем маленькая комнатка – стул, шкаф и пепельница на подоконнике.

Наверное, Рука читает мысли через уретры и фаллопиевы трубы. Чувствует запах немых органов на расстоянии, а точку G находит за считанные секунды..

Я упёрся руками в подоконник – сальные следы на стекле от прикосновения чьих–то носов, лысин, ушей или несчастных губ. Поцелуй это стекло, разбей его и всоси осколки, крошки, а лучше всего – стеклянную пыль, чтобы горло и лёгкие поранило наверняка. Чтобы в водопаде спазмов был отчётливо виден самый первый хуй, чтобы чёткая мысль резала не хуже стеклянной пыли: «Это он во всём виноват. И вот если бы..» Да никому не нужна ни ты, ни твоя пизда, ни твои мысли по любым вопросам, глупая ты девочка. Глотай, глотай..

Дверь распахнулась, вошла Рука, на ходу прикуривая сигарету. Она села на стул, закинув правую ногу на левую. Её белый докторский халат слегка помялся, на левой щеке засохли небольшие капельки крови, как после бритья дешёвой бритвой.

– Ну и кто ж с ней так?

Я понимал, о чём она говорит в целом, но меня волновали частности, поэтому я молчал.

– Будто отвёртку ей в матку вставили и прокручивали несколько дней.

Несколько лет – так бы сказал я. Но меня не спрашивали.

– Ты же понимаешь, догадываешься, что дальше ничего не будет?

Я осторожно выглянул в основной кабинет – Кей уже оделась и сидела на стуле возле докторского стола, выпрямив спину и положив руки перед собой.

– Не будет нормального цикла, скорее всего не будет возможности зачать ребёнка, будут частые боли и..

– Это же и раньше было. Ей назначали препараты, даже операции какие–то делали – не один раз..

– ..но раны не заживали, не успевали зажить, потому что вы ебётесь как ненормальные!

– А вы – как нормальная?

– Это уж я не с вами буду обсуждать. В общем, прогнозы так себе. И я бы на вашем месте..

– Вы можете прямо сейчас занять моё место. Оно свободно.

– То есть как? Вы не её..ээ..молодой человек?

– «Это уж я не с вами буду обсуждать».

Рука скривила губы, которые стали похожи на задницу котёнка.

– Как скажете. В любом случае, нужен очень тщательный и ежедневный уход, в противном случае проблемами с маткой вы..то есть Кей не отделается.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

– У вас кровь на правой щеке.

Рука достала небольшое зеркало, влажную салфетку и стала оттирать вагинальную кровь Кей со своего лица. Когда она закончила, мы вышли в основной кабинет. Кей сидела в той же самой позе, что и 15 минут назад. Рука дала мне стопку бумаг – анализы, заключения, рекомендации, рецепты – и попрощалась.

Кей неохотно встала и мы вышли за дверь. На улице я отдал эту стопку Кей, но ей было всё равно. Я закурил, предложил сигарету и ей – она не отказалась.

– Ну, типа, было хорошо. Может, увидимся как–нибудь.

– Может. И зачем весь этот цирк с «мне это больше не нужно»?

– Так и есть, мне всё это больше не нужно.

– Понятно.

И в чём же проблема? Хахаха, ну и ладно. Я вынул вилку из своего дорожного набора и ты не сможешь устоять.

– Правда, всё. Не мучай меня больше, я устала.

– Хорошо–хорошо. Пока! Следи за своим здоровьем.

– Постараюсь. Пока, Рэ.

Ха, тающие кучи чёрного снега, грязная вода, вытекающая из–под этих куч, кривые ручьи – я помню, как ты дрожала, там, на бурых плитах напротив Яузы. И текла, и металась, и злилась, и не прекращала.

Когда осенью ты придёшь ко мне на день рождения, мне будет уже нечего тебе сказать.

Party 1

У меня всё хорошо, я не на бойне. Паутина сползает с голого бетонного потолка и летит по воздуху, вьётся и сверкает на солнце. Практически неуловимо раскачивается кирпич, который кто-то засунул в верёвочную петлю, под кирпичом – подобие упавшего стула: две поставленные друг на друга покрывки. Верёвка привязана крепким узлом к массивному крюку, торчащему из потолка.

Крюк вмонтирован плохо, покачивается вместе с кирпичом и тихонько скрипит. В полу-заброшенном здании кроме меня никого, по крайней мере здесь, на третьем этаже. На первом есть небольшой склад тротуарной плитки, но туда практически никто и никогда не заходит.

Ветер поднимает вверх сухую грязь, я дышу этой взвесью, вдыхаю сильно до тех пор, пока не появится желание чихнуть. И раз, и два. Слезятся глаза – все в пыли, песке, и изображение смазывается. Стены плывут, деревья в оконном проёме покрываются рябью, начинается дождь.

Сажусь на деревянный ящик и жду. Рассматриваю грязные кроссовки, шрамы на ногах и руках; рисую пальцем на полу какую-то хуйню. Злюсь, затаптываю нарисованное, снова поднимаю пыль, встаю, беру ящик и швыряю его в стену, прыгаю на него, ломаю, он громко хрустит, выламываю руками рейки, они оставляют занозы, ну и насрать, прижимаюсь спиной к стене, дышу глубоко, я – океан, я – большое лёгкое голубого кита, вдох–выдох, вдох–выдох, чихаю, складываюсь пополам, руками почти дотягиваюсь до мысков кроссовок, теряю равновесие и падаю, упираясь головой в пол.

Хаха, я грёбанный идиот.

И тогда мы встретились впервые. Скайп, чатики – ну, ничего особенного там не происходило, пустой трёп. Ты знала и так, без моих никчёмных подкатов, что я хочу тебя выебать. Готика – тугой корсет и опухшее лицо с подведёнными глазами, игры в суицид, грязь, говно, непрокрашенные волосы, больницы, ночь, бессонница, бравада. Северо-восточная окраина Москвы.

Ты наблюдала за двумя предыдущими практически в реальном времени – и от этого только больше распаялась. Ты и общалась с ними, и встречалась в выходные, если на улице было не холодно. Тот же бессмысленный трёп, то же желание казаться необычными. Я знаю, на чьём члене ты тренировалась, чей член обхватывала своими пухлыми губищами, чей..кому ты заглядывала в рот, в глаза и называла чуть ли не своим «учителем».

Кажется, его звали «Колдун», да? Какой-то слегка припизднутый мальш, на бесплатные и туповатые фокусы которого ты повелась. И велась долго, не один год. Алистер Кроули переродился в Свиблово и ты первая об этом узнала.

Пока ты ему отсасывала, он рассказывал тебе о мёртвых невестах, о том, что ты одна из них, но по какой-то непонятной причине всё ещё жива. Подготавливал тебя по-своему, а ты и рада была сдохнуть, наглотавшись таблеток и шагнув вниз с последнего этажа ховринской больницы. Падать и блевать. Блевать и падать.

Колдун так или иначе присутствовал с нами всегда. Твоё настроение было нестабильно, резко менялось – «я не могу от него отделаться, он меня не отпускает, держит, будто я верёвками к нему привязана». Конечно привязана, только не к нему, а к его стулу. И он старается, пыхтит, не меняя выражения лица – злого и бесстрастного – и множество личинок будущего сатаны липнут к твоему животу.

Я ждал на выходе с «Римской». Когда я был уже на месте, ты только садилась в метро. Где ты была на самом деле, я не знал. Это единственная черта, которая в тебе со временем не изменилась. Ещё полчаса, ещё час – какая разница, я смотрю по сторонам, весной на улице ближе к обеду много людей, разные запахи смешиваются, бомж ест из пластикового контейнера спаржу, запивая её «Виноградным днём», ему хорошо, давно невымытые волосы блестят

и переливаются на солнце, как спокойное море в ясную погоду. Море выбрасывает на берег камни, ракушки, всякий мусор и частички умерших людей и рыб. Бомж очень похож на то море, которое помню я – выбрасывает на асфальт мусор, его отрыжка накатывает волнами, алкогольный бриз, я шурюсь на солнце сквозь тёмные очки, прикуриваю, затягиваюсь, во рту сухо, горло дерёт так, будто я болею, разворачиваюсь и иду в «Ням–ням».

В обед там в основном пенсионеры и я. Беру кофе «Parmalat» и пару свежеспеченных пирожков с яблоками. На кассе беру также черный «Dunhill», расплачиваюсь и выхожу на улицу. Во дворе на детской площадке быстро перекусываю, рот снова наполняется слюной и я курю, так приятно и так вкусно. Я расслабляюсь, откидываюсь на спинку лавки, завожу руки за голову и закрываю глаза. Капелька пота стекает со лба по правой щеке, я внезапно и неестественно напрягаюсь: зелёная комната, какие–то памперсы и битый кирпич повсюду, я спрятался в облезлом железном шкафчике, который, наверное, раньше принадлежал какому–нибудь рабочему, он хранил там вещи и замасленные инструменты, водку, хлеб и фотографию любимой собаки..это уже ночь, писк сотен комаров, ты – «уиии», глухие шлепки, трещина в потолке, там жопы и обувь, обсуждают картины моего дяди, ты – «уиии, уииииии», хлопОк, я шарю по стенам шкафчика, мои руки рыжие от ржавчины, гул голосов нарастает, они входят в эту комнату со шкафчиком, вносят тебя, обёрнутую в холст, ты улыбаешься, хотя твои губы пришпилены двумя большими булавками, звенят бокалы, мне страшно и потно, душно, они ставят тебя в проём окна. Рамы нет. Я вижу только спины и затылки. Они примериваются, крутят тебя, сверяются с эскизом, измеряют расстояние миллиметрами. Приносят стремянку и каждый из присутствующих по очереди поднимается и целует тебя в губы, слизывая стекающую с них кровь. Когда это сделал последний, крови на губах и вокруг них уже не было, жопы расступились и в образовавшееся свободное пространство вошёл очкарик в чёрном, подошёл к проему, обхватил тебя и вынес из комнаты. Твои ступни болтались в воздухе, красный лак на ногтях, на ногтях красный лак.. Жопы с бокалами пошли за ним, ни на минуту не прекращая обсуждать увиденное. Они буквально лопались от гордости – им дали возможность поучаствовать, возможность войти и выйти, не расплатившись, возможность войны без оружия и мира без убийств. Представление закончилось, как только я перестал о нём вспоминать. Моё представление о представлении. Кукольный перформанс.

Я получил смс от Кей – она приехала – и пошёл к метро, от двора, в котором я находился, до метро две минуты бабушкиными шагами.

Вся в чёрном. Чёрные волосы, чёрный корсет, чёрная юбка в пол (или это платье?), чёрные массивные ботинки. Чёрный лак на ногтях. Чёрный рюкзак.

«Возьми этот большой чёрный пакет с мусором и отнеси на помойку. Не тащи по асфальту, а то он порвётся и тебе придётся руками собирать остатки еды и осколки разбитой посуды. Как только выкинешь первый пакет, приходи за вторым. Как только вынешь осколки посуды из своей обуви, маленький засранец, ты что, битых тарелок не видел никогда? Вот как только очистишь свою обувь, тогда сможешь зайти домой. И ты не сделаешь этого без моего разрешения».

– Привет, Кей. Тебе не жарко?

– Привет, Рэ. Я всегда так хожу, уже привыкла. Может, зима мне даже больше нравится, чем другие времена года.

– Интересно выглядишь, конечно.

– Ты же всё это видел и раньше. Смотрел невнимательно или не придавал значения?

– Предавал свои предпочтения.

– Ну да.. Как–то плохо помню..

– Куда пойдём? Я этот район совсем не знаю. Я свободна до вечера, так что жду от тебя предложений.

Конечно, я уже знаю, куда мы пойдём. Там в это время пусто, да и вообще пусто в любое время – за редкими исключениями.

– Пойдём к Яузе.

– Оо, она и здесь течёт? Совсем недалеко от моего дома тоже Яуза, только похожа она там на какой-то ручей. Мы с Ко..

– Давай хотя бы сегодня без этого, а?

– Хорошо-хорошо, прости, хахаха, что-то я..

Да, именно, что-то ты. Мы пошли по длинному тоннелю и вышли на улицу Сергея Радонежского. Было уже действительно жарко, я потел, а Кей только говорила и говорила, не умолкая. Контраст её белой кожи и черной кожи корсета, широкая улыбка, мне казалось, что она выше меня, но непонятно, откуда взялся этот эффект, белый пакет «Спасибо за покупку!», подхваченный порывом ветра, облепил моё лицо, Кей сняла его, засмеялась, грудь слегка подпрыгивала в узком корсете, я улыбнулся, сигарета, зажигалка, затяжка.

– А мне можно сигарету?

– Ты куришь разве?

– Да.. Чуть-чуть. Немного. Успокоиться.

– Ты сейчас нервничаешь?

– Нет, просто захотелось покурить.

Я отдал ей свою сигарету, а себе прикурил новую. На некоторые её реплики мне нечего было ответить, я что-то мычал и тянул время.

Мы обогнули музей Рублёва и спустились с горки к набережной. Никакого «Артплэя» ещё не было, был завод «Манометр» – его эмблема и большие часы находились на самом верху здания, на углу, который был ближе к железной дороге.

Мы прошли по набережной до Таможенного моста, перешли две полосы дороги и стали взбираться вверх. Там росли деревья, кусты и была такая тропинка шириной где-то в пару метров между спуском с этого холма и забором завода «Кристалл». Какие-то овраги со следами костров, пустыми бутылками из-под дешёвого алкоголя, снова грязь, снова дерьмо, Яуза, шлюз, «Плутон», тень.

Мы остановились там, где я уже бывал раньше – несколько больших бетонных блоков стояли на насыпи, на них можно было сидеть и наблюдать за движением на набережной.

– Что, здесь?

– Не нравится?

– Наоборот, я подумала, что здесь будет в самый раз, хотя бы присесть можно, я ногу, кажется, натёрла.

Кей подобрала с земли какую-то газету – одну из немногих чистых – постелила на бетонный блок, села и стала расшнуровывать левый ботинок. Шнуровка длинная, от мыска почти до колена. Я помог ей снять обувь, достал влажную салфетку и аккуратно протёр рану на ноге.

Я держал её за пятку, она ворочалась, говорила, что щекотно, я обрабатывал рану, дул на неё, чтобы быстрее образовалась твёрдая корочка, разглядывал пальцы на её ноге, ногти, маленькие волоски, выдернуть бы их пинцетом, или быстро подпалить зажигалкой, когда она отвернётся, нет, будет вонь – от волос, от Кей, пятка грубая, окрасилась носками или ботинками, но нога не пахнет, ногти аккуратные, фаланги, косточки, белая кожа.

Кей снимает второй ботинок, открывает рюкзак и достаёт из него балетки.

– Как знала – взяла на всякий случай.

«Мы обязательно потанцуем. Верись мне? Как только коленная чашка встанет на место, на своё изначальное место и перестанет болеть. Хрустит и перекачивается, как печёная картошка. Жжёт и раздражает, руки в мозолях, втягиваю живот и ложусь на кушетку. Правильно вправленная мысль бьёт как ток из розетки, возбуждает и побуждает на действия. Несу себя

как могу, как эти ноги мне позволяют, скользят носки по гладкому полу и я всё–таки поскользываюсь. Ты не умеешь ждать».

Я помогаю Кей с балетками, она встаёт, протягивает мне руку, я поднимаюсь и молчу. Ощущения – будто до сих пор держу её ногу, а не руку. Уголки её губ медленно опускаются. Мы удивлённо хлопаем ресницами как собачки, которые впервые видят друг друга. Она открывает рот, я вижу сначала верхние зубы, затем нижние, краешек языка, ранку на нём, Кей сильно дёргает меня за руку, мой взгляд срывается в сторону, туда, где висит ржавая эмблема завода «Манометр».

Party 2

– Эй, Пеликан!

Он бесился, когда мы так его называли. Он бросал всё и каждый раз объяснял нам, почему не надо его так называть. Для него это не было обидным или унижительным прозвищем, оно ему просто не нравилось по ряду причин. Когда мы познакомились – почти 20 лет назад – я этих причин не знал.

Мы вместе ходили в музыкальную школу. Сначала я ходил на уроки гитары. Ходил, когда действительно не мог избежать этого, но я старался, старался играть «как надо», старался разрабатывать короткие пухлые пальцы, чтобы лучше брать нужные аккорды. Тем не менее, получалось у меня всё хуже и хуже. Я видел, как играет на гитаре отец, как ему это доставляет удовольствие, он о пальцах вообще не думает и не смотрит на них. Но он не мог меня научить, потому что его хватало на то, чтобы продемонстрировать какие-то моменты, а на обучение – даже в течение пяти минут – его уже не хватало. Он злился, выворачивал руки себе и мне, хуярил по струнам как бешеный и в конце концов забирал у меня гитару. Он злился не на меня, а на себя, потому что умел, но не мог передать умение. Не мог пересадить мне свои руки, свой мозг, свой *modus operandi*.

Не можешь пересадить – так лучше просто оторви. Чтобы я не ходил на эти уроки. Переломай мне ноги, хотя вы усадите меня в инвалидную коляску и всё равно отвезёте туда. Так что лучше руки. Я потерплю.

Когда я всё-таки доползал до урока, то обычно заставал окончание урока предыдущего – две девчонки играли на мандолине и банджо, а какой-то тощий опарыш подыгрывал им на балалайке. Это были те самые любимцы, которые выступали на любом концерте «народного творчества», доводя до катарсиса пенсионерок, одетых в «старорусские» одежды и поющих про берёзы.

Я сидел на лавке в коридоре и ждал.

Сейчас сблую. У меня руки не на месте, я то расстёгиваю чехол, в котором лежит гитара, то застёгиваю. Вверх и вниз, вверх и вниз. Чтобы не привлекать внимания, кладу руки под ляжки, стараюсь придавить посильнее. Ещё не поздно уйти, нужно всего лишь встать и мелкими шагами пойти к выходу. Встать и пойти. Гитара, ноты, пойти. Уйти.

Чаще всего уйти я не мог – чувство вины придавливало, вжимало в лавку, и я оставался на экзекуцию.

Время щипковых инструментов выходило, заходил я и начинал щипать свою гитару.

Меня учила женщина. Судя по её поведению – одинокая и несчастная. Принцип обучения у неё был практически тот же, что и у моего отца – ёбнуть по рукам, когда не попадаю в аккорд, прикрикнуть, называть не по имени, а исключительно по фамилии. В ней было что-то привлекательное, но я даже и подумать не мог о том, чтобы, например, вздрочнуть на неё – всё портила манерность, визгливый голос и большой горб на носу. Без этого носа я даже не мог представить, как она могла бы выглядеть.

В итоге до неё дошло, что она не хочет меня учить, а я не хочу учиться, и мы распрощались. Через несколько лет вместо первого этажа я стал ходить на второй – дверь с торжественным названием «Секция духовых инструментов».

Вообще это был зал для занятий балетом или танцами, но другого помещения «не нашлось». Днём там трещали задницы от растяжки, а вечером трещала моя башка от сильного напряжения. Преподавал нам действующий военный, но никаких армейских порядков не насаждал.

В этом балетном зале я и познакомился с Пеликаном. Он играл на саксофоне, мне почему-то достался тенор. Насилие над лёгкими мне нравилось больше, чем насилие над паль-

цами – всего три клавиши, комбинации нот проще запоминаются. Главное – сливай слюну вовремя, иначе будешь пердеть и булькать, как старый пионерский горн.

Перед занятиями мы с Пеликаном обычно выкуривали по паре сигарет, хотя наш военный был категорически против этого – понятно, что, когда работаешь лёгкими, лучше держаться от дыма подальше. Но кого эти предостережения могли остановить..

Если бы не продолжающиеся уроки сольфеджио, всё могло быть ещё лучше, чем было. Преподаватель была отличная, а я – нет. Я не понимал, не хотел понимать что-то кроме нот и размеров, а принуждение к игре на фортепиано вводило меня в ступор. Я мог напеть несколько мелодий, наигранных в последние полчаса, но сыграть с листа – нет. Пальцы не слушались, глаза искали нужную клавишу по несколько секунд.. Двумя руками я вообще не мог играть, мой рабочий палец – указательный на правой руке. И никакой другой.

Нарисуйте скрипичный ключ. Сейчас она будет медленно играть, а я должен записывать ноты, которые она сыграла. В какой октаве..

Когда мы перешли в последний класс и оставался год до выпуска, военный исчез. Пропал бесследно и как-то слишком быстро. Наш оркестр успел дать несколько «концертов», я со своим тенором выступал в школе – разгонялся, чтобы было достаточно громко, лицо сильно краснело, со лба текло, я закрывал глаза, у меня губы звенели и мундштук нагревался как закипающий чайник. Я слышал смех и гогот, «вытри ебало», но было плевать. Ведь я УМЕЛ, а они – нет.

Мы собирались ещё несколько раз без преподавателя, в основном болтали, курили, иногда мы с Пеликаном джемовали – он выдавал отличные импровизации, лидировал, а я под него подстраивался. Потом у нас отобрали инструменты – они были собственностью школы – и мы перестали туда ходить. Саксофон был личным инструментом Пеликана, также он неплохо играл на тромбоне. Я не умел играть больше ни на чём, поэтому иногда просил Пеликана сыграть – слушать хорошую игру мне очень нравилось.

Но живой музыки становилось вокруг нас – и в нас – существенно меньше, однажды она прекратилась совсем. Мы заходили к Пеликану в дом (частный дом в коттеджном посёлке), поднимались на второй этаж в его комнату и играли в плэйстейшн, нинтендо и хрен знает что ещё – у него было всё.

– Рэ, пойдём покурим!

Пеликан заметно картавил – и это был ещё один повод для подколов. Но не было бы их, если бы не его реакция – он сначала смеялся (типа понял шутку и умеет смеяться над собой), потом вспыхивал и через пару секунд становился серьёзным, как школьный учитель, увидевший кучку говна на своём стуле. Лицо не выражало эмоций, но глаза по-прежнему горели. Он глубоко затягивался и со свистом выпускал дым обратно, щурясь и подтягивая сползающие штаны. Мы курили в просторном туалете рядом с его комнатой, но никакой вентиляции там не было, дым разъедал глаза, впитывался в одежду и мне приходилось чаще её стирать.

– Рэ, а что там Дэнни? Давно его не видел.

– С ним всё нормально, немного замкнулся в себе после того, как стал свидетелем повешения Вика.

– Вик..

– Ну тот самый, который хотел играть в нашем оркестре, но что-то там не получилось.

– И он из-за этого что ли?

– Нет.

– А из-за чего?

– Пеликан, я не знаю. Я ведь тоже с ним тесно не общался. Дэнни говорил, что у него нашли ВИЧ.

– Бля.. ВИЧ, значит. И Дэнни видел, как он повесился?

Дэнни знал, что Вик повесится. Они дружили давно и доверия в их дружбе было больше, чем в подавляющем большинстве семей. Вик не сказал Дэнни об обстоятельствах заражения, рассказал только о результатах анализов. Попросил не уговаривать, не злить попытками уговоров, просто не расстраивать в его последние несколько дней. Когда Вик написал завешание (кремация, никаких крестов и кладбищ, никаких обрядов, никакой церкви) и передал его Дэнни, они сходили в лес и определились с местом. День они выбрали заранее – 29 ноября. Как Дэнни вообще согласился на подобное – я не знаю. Я хорошо общался с Дэнни, но до уровня их дружбы с Виком мне было далеко. Как только они вышли из подъезда, пошёл сильный дождь, но смерть решили не отменять. Петля уже была приготовлена и привязана к толстой дубовой ветке вчера днём. Вик был в кожаной куртке, своих любимых рваных джинсах и почти убитых кедах. Дэнни оделся теплее, зная, ЧТО ему предстоит – длинный непромокаемый плащ и ботинки на толстой подошве. Но они почему-то передумали – Дэнни не говорит, почему – сняли петлю и пошли домой к Вику. Сняли люстру с крюка, привязали туда петлю, Дэнни выбил стул из-под Вика по его команде. Дэнни больше ничего особо не говорит, а я и не спрашиваю – как бы он сам сейчас не повесился или не съехал с дорожки.

– Да, зашёл домой не вовремя, Вик же не закрывается никогда.

– Не успел вытащить?

– Нет.

Пеликан смакует ситуацию, я знаю, что он ставит себя на место Вика, и он вздрагивает всем телом, когда я толкаю его в плечо.

– Бля, Рэ, надо навестить Дэнни как-нибудь. Отвлечь, развлечь.

– Можно, я не против.

Я правда был не против. Мы придём, попытаемся вытащить его, расшевелить, смыслы и ожидания, нужно ли это Дэнни, Пеликан не знает же, как там всё на самом деле было, и никто пока не знает – кроме меня, а может, я тоже не знаю правды, у меня есть только слова, Дэнни сейчас как пакет на голову надели – он задыхается, потому что ему нужно с кем-то поделиться, он задыхается, потому что не может ни с кем поделиться, дёргается и плачет, но не на людях, и не дома даже – внешне он тот же Дэнни для всех, а что мать Вика, его отец – приняли они выбор сына, нет – я не знаю, поэтому Дэнни сейчас совсем один, курит, и кашляет, и не может откашляться.

Раньше я заходил к Дэнни домой, даже когда его не было – я трахал его мать. Я до сих пор её трахаю.

Party 3

Она так мурлычет. Но Фил точно её не ебёт. Его и дома-то не бывает. Ему ещё нет полтинника, он не бухает как конь, даже не курит – я не специалист по урологическим или психологическим проблемам, но неужели у него уже не стоит? Или дело в ней?

У меня нет братьев или сестёр, и хорошо – не люблю внутривидовую конкуренцию, тем более – внутри семьи. Ма после того, как родила меня, быстро пришла в форму, но по старым фото не видно, чтобы она вообще её теряла. Она занимается танцами, медитирует – следит за собой так, как она это себе представляет. И получается совсем неплохо – пресс качает плюс ко всему. Только курит – а я не выношу запаха именно её табачного дыма.

Сейчас мне дерьмово. История с Виком расшатала мои нервы, хотя этого никто не видит – я сдерживаюсь как могу. Если бы я не рассказал Рэ о том, как на самом деле ушёл Вик, я, наверное, уже сам бы отправился по его свежим следам.

Я не знаю, был ли Вик геем или нет, мне всё равно по большому счёту, это ничего не изменило бы тогда и тем более не изменит сейчас. Мы говорили о многом, но не обсуждали, кто с кем трахается – кроме случаев, когда была возможность поймать какую-нибудь псевдонимфоманку, которая шептала, пока я надрачивал и вставлял, что «ей нужно всего лишь поебаться, всего лишь почувствовать хуй, никаких обязательств, в среду и пятницу пару раз в день». Блядища. Она не выбирала. В среду я был уже пятым, зато в пятницу – всего лишь вторым. Первым всегда был её сводный брат.

Я рассказывал Вику, как физически ощущаю присутствие в её пизде всех членов, что там были до меня, как я трусь об них своим членом, чужие волосы неприятно колются, но остановиться и не ебать её я почему-то тоже не могу. Лобок, смеётся он, заставь её побрить лобок и зону вокруг пизды, тогда тебе даже понравится и оргазм будет ярче.

Вик был прав – удовольствия от этой сучки я не получал. Были и другие, с ними было хорошо, но такой внутренней энергии, которая захватывала меня по средам и пятницам, у них не было. И я продолжал пялить эту корову.

У Вика была одна девушка. Но теперь мне в голову лезут мысли о его возможном «гействе».. Была ли эта девушка всего лишь громоотводом? Нет, я не хочу в этом разбираться. Я говорил с ней после того, как Вик повесился – она места себе не находила, всё плакала и плакала, садилась на диван, поджимала колени и плакала, рыдала и корчилась от осознания. Она тоже знала, что Вик болен.

Трудно сделать то, что сделал я. Выбить стул. Когда кто-то из вас окажется на моём месте, при всех этих обстоятельствах и ограничениях, условностях окружающего мира, в том самом дворе между двумя пятиэтажками – за и против – тогда расскажете мне потом, как вы поступили или не смогли поступить.

Мы не стали ничего делать в лесу, потому что это вызвало бы подозрения. Мне они не нужны. Следы опять же.. Да и кто в такой дождь пошёл бы в лес? Грибы, ага. Мне бы потом эти грибы в жопу по одному засунули. Когда мы пришли к тому дубу, мы уже сильно промокли, замёрзли, меня и без погоды знобило. Вик что-то неразборчиво буркнул, я попросил его повторить.

– Домой. Берём петлю и уёбываем домой.

По пути сюда мы тоже буквально парой фраз перекинулись – как раз о том, что лучше найти другое место. Я слегка охуел, когда он решил сделать это дома. Но, может, и к лучшему. «Домой» – это последнее слово, которое я слышал от Вика перед смертью.

Мы знали, как пройти так, чтобы никто не видел нас вместе. Также я помнил, что у Вика до завтра никого не будет дома. И мне же предстояло сообщить родителям о случившемся, но сначала – копам и «скорой». Типа я пришёл в гости и так далее, а тут – вот так. Мою дрожь,

мой испуг, мой страх можно и не скрывать перед врачами и копами – у меня же потеря, пиздец в жизни, истерика и нервное истощение. Я не имел представления, как я буду себя вести и каким будет моё состояние. Может, я потеряю сознание от увиденного. Кто знает.

Мы пришли домой к Вику. В подъезде было душно, влажные следы быстро высохали, поэтому вряд ли кто-то определит, во сколько я здесь появился. Я очень хотел курить, но ни Вик, ни его родители не курили, а на балконе меня могли заметить. Вместо сигареты я взял пластиковую трубочку для коктейлей, но сильно нервничал, и вместо того, чтобы имитировать курение, грыз её и глотал пластиковые ошметки. Вик ходил по квартире туда-сюда, я сидел на диване и смотрел в одну точку. Он принёс стул, залез на него, снял с крюка люстру, но, видимо, забыл, что к люстре идут провода и она держится теперь на них. Слез, ушёл в коридор, громыхал там ящиками с инструментами, вернулся с пассатижами и одним движением откусил провода. Люстра упала на пол, осколки разлетелись во все стороны. Вик переоделся – теперь на нём был чёрный свитер с горлом, но джинсы и кеды всё те же. Тёмные волосы зачёсаны назад, слегка растрёпанные на висках.

Ещё несколько минут – и его не будет. Внутри меня росла дрожь, и хотя я сегодня ничего не ел, тошнота так и накатывала, я не сдержался и меня вырвало желудочным соком. Потекли слёзы, я не пытался их смахнуть или вытереть.

– Что, и всё? Вот так просто, Вик?

Он не отвечал. Сосредоточился на проверке узлов, дёргает верёвку в разные стороны. Проверив, приносит своё «завещание» – порванный лист бумаги с текстом на нём – демонстрирует его мне и кладёт на стол, поверх своего ноутбука. У Вика рука в крови, но ему похуй, мне похуй, меня разрывают спазмы и всхлипы, желудочный сок противно обжигает горло.

Вик ходит аккуратно, чтобы не вляпаться в мои проблемы. Наконец он перестаёт метаться и останавливается напротив меня. Я поднимаю глаза, слёзы всё так же текут, он протягивает мне руки, я пытаюсь встать, не могу, он тянет меня с такой силой, будто я ничто, будто я ничего не вешу. Он обнимает меня, а я не могу пошевелиться, не могу так же крепко обнять его, руки болтаются как поломанные ветки, я сам как поломанная ветка, волокнами наружу.

Вены на шее вздулись и пульсируют, воздуха не хватает, одышка, кислородное голодание, Вик отпускает меня и встаёт на стул. Накидывает петлю, затягивает. Ловит мой взгляд, подмигивает, улыбается, не разжимая губ, кивает на дверь. Слабость усиливается, меня трясёт, мотает из стороны в сторону, я спотыкаюсь, задеваю угол дивана, падаю, выползаю из комнаты, прикрывая дверь.

Голова кружится, щипаю себя, чтобы оставаться в сознании, глаза закрываются, что, блядь, коридор, коврик, крупы грязи с улицы, странный узор, мягкий ворс, тёплый мягкий ворсистый коврик, нужно будет прибраться, слишком светло, здесь СЛИШКОМ светло, пахнет пылью, пахнет дождём, дождём, пылью и влагой, сыростью. Спрыгни сам, не заставляй меня бить, не заставляй меня вышибать этот массивный стул. Просто оступись, несчастный случай, не самый лучший день и метод, узор на пальцах практически не виден, они меня не найдут, они меня не заподозрят, я сброшу старую кожу, вставлю цветные линзы, ползи и извивайся как змея, как безвольное говно, никаких «нет», никаких «не надо» не было сказано, а зачем, мы каждую секунду делаем выбор, Вик выбрал, шансы и прогнозы ничего не значили – пустые цифры, я не смог разгадать этот код, я в порядке, Вик, я в полном дерьме.

И вытаскивал его из петли не я.

Звонил телефон. Я в полусне шарил по карманам, хотя обычно я всегда знаю, в каком кармане он лежит. Звонил не мой телефон.

Я перевернулся с живота на спину, попытался встать, не получилось, сел, челюсть болела как после хорошей драки. Телефон продолжал звонить, я мотал головой из стороны в сторону, чтобы хоть как-то вернуться в реальность этой квартиры. Не могу встать. Опираясь на руки и колени, ползу в комнату, в которой Вик..он лежит на полу, не двигается, петля на шее. Что..

Крюк вырван из потолка. Я подползаю ближе, пахнет дерьмом, но я не придаю этому значения, Вик лежит лицом вниз, толкаю его рукой в бок, чего я ожидал – непонятно, у него всё получилось, у него всё получилось, а как же, о чём он думал, я с размаху бью его под рёбра, ещё и ещё, рукой, ногой, ёбаный мудака, какого хуя, у тебя всё получилось, уже реву я, сидя в собственной моче, зеркало напротив не искажает моего лица, потому что лица уже нет.

На хуй, появились силы, встаю, забираю свои вещи, на улице уже темно, иду на балкон – второй этаж, будет легко и просто, согнуть ноги, чтобы мягче приземлиться, закрываю балконную дверь, когда начинают звонить во входную. Нет–нет–нет, меня никто не увидит, меня никто не найдёт, хахаха, дождь, грязно внизу, прыгаю, нет, ещё пара секунд, вот теперь прыгаю, скольжу на заднице какое–то время, поднимаюсь и бегу.

Бегу, бегу, бегу, бегу, бегу.

Осознание бежит медленнее, но оно всё равно меня нагонит, доберётся до меня и сожжёт изнутри.

Бегу, бегу, бегу, бегу, бегу.

Ливень со снегом. Неудобно бежать на непослушных ногах, несколько раз я так растягиваюсь, что яйца трещат, Кей, подруга Рэ, мне позавидовала бы, но яиц у неё нет, трещать нечему, она садится на шпагат и вытягивает руки параллельно раскинутым ногам, смеётся и поправляет волосы, милая девочка, асфальт сначала темнеет, потом заканчивается, ветки, стволы, столбы, никто меня не найдёт, никто не видел и не вспомнит.

Лужа рябит от ветра, сантиметровые волны бегут от одного края к другому. Всасываю воду, мне очень хочется пить. Никакого выраженного вкуса не чувствую, пью ещё и ещё, протираю лицо, встаю и иду домой.

Меня никто не ищет.

Party 4

– Научи меня, делать так, чтобы тебе понравилось.

Стало ещё жарче, я не представляю, как Кей чувствует себя в своей чёрной оболочке. Я тяну за шнурок корсета. Она гладит меня по голове, сжимает шею, проводит пальцами по подбородку – щетина, пальцы нежные, у неё такие наивные глаза, удивлённые и наивные, она знает, чего она хочет.

Я расшнуровываю корсет, кладу его на один из бетонных блоков. Кей затянула его так сильно, что на теле остались красные полосы – на рёбрах, под грудью, на самой груди. Кей чувствует себя беззащитной, пытается прикрыть грудь руками, смеётся невпопад и как–то совсем не сексуально. Она стесняется не меня – она уверена, что она некрасивая, не такая, какую можно полюбить и с которой можно заняться любовью.

Ты, сука, говорю я тихо, даже нежно, с какой–то любовью в голосе, ты не равна мне, я делаю одолжение, находясь с тобой здесь и сейчас. Ты охуевшая тварь, если можешь думать иначе, если даже подумаешь о том, чтобы думать. Мне не нужны твои мозги, у меня не стоит от твоих слов, от твоих интонаций и пауз, твой словарный запас беден, ты компенсируешь это яркостью эмоций, выразительный взмах рукой как подсказка, как вопль о помощи – «помоги мне, помоги, скажи сам или продолжи моё предложение». Ты, сука, – я повышаю голос, не срываясь на крик, – уже любишь меня, а что есть любовь, как не желание терпеть унижения, грязь, что это – любовь, как не осознание своего места в отношениях, своего прямого и простого как хуй предназначения – подчиняться, молчать, давать и быть благодарной. Ну, ну, открой глазки, пусть реснички просохнут, они, когда мокрые, так отвратительно слипаются. Ты, сука, – я вынужден кричать, – всё правильно понимаешь, не прикидывайся. Можешь «зачтокать» хоть всю свою ссаную жизнь, кому отвечать, как не тебе? Хочешь? Нет, ты хочешь или нет? Ну давай, давай Я тебе отвечу, – продолжаю кричать я. Тебе так удобнее, тебе всё это нравится и ты будешь продолжать, потому что если случится так, что мы перестанем, попробуй представить, кто о тебе позаботится, кто отвесит пощёчину, чтобы ты испытывала те, так сильно необходимые тебе низменные инстинкты и эмоции, ты, – я снова перехожу на ласковый шёпот и глажу её по лобку, – уродливая жирная сука.

Я знаю куски её прошлого только с её же слов, но некоторые моменты в поведении подтверждают, что если не всё, то многое именно так и было.

Кей убирает руки от груди, прижимается ко мне и целует, засасывает и чистит своим языком самые труднодоступные места. У неё большая грудь, я хочу её трогать и мять, но Кей так сильно прижалась ко мне, что я не могу просунуть руку между нашими телами. Нехотя обнимаю, провожу руками по спине вверх и вниз, хватаю за жопу, сильно, Кей чуть не откусывает мне язык. Отстраняется от меня, берёт какие–то газеты, рассыпает их у моих ног и встаёт на колени. По–простому вытирает рот рукой, слева направо.

– У меня минет никак не получается. Научишь?

– Как я могу тебя научить? Будем вместе сосать мой член?

– Да.. Ой, нет, ты просто говори, когда тебе хорошо, а когда не очень.

Она откидывает волосы с лица и ждёт. Не самое подходящее время, чтобы объяснять, что всё индивидуально, нет одинаковых членов, губ, ртов, языков, что если тебе хочется, ты найдёшь способ, найдёшь нужную глубину и скорость.

Кей не хочет сама доставать мой хуй. Я беру влажные салфетки, протираю свои руки, даю чистую салфетку Кей. Расстёгиваю ремень, пуговицу, ширинку и даю шортам упасть. Снимаю трусы.

Всё уже готово.

Кей проводит руками по моим ляжкам, ногтями впивается в задницу, улыбается, подвигается ближе, обхватывает одной рукой член и дробит. Несколько секунд. Рассматривает его, облизывается, берёт в рот. Ничего нового, ничего необычного – она просто старается добросовестно сделать свою работу. Но у меня нет желания «учить» её. А у неё нет способностей к обучению.

Нужно повторить то, что я видел. В точности, в деталях до самой последней капельки пота. Язычок совершает три движения вниз по нёбу, чтобы четвёртым выплюнуть осколки зубов, смешанных с кровью и слюной. Нужно совершить столько «четвёртых движений», сколько потребуется, чтобы во рту не осталось кровавого желе. Сбирать осколки и кровь, сплёвывать, вытирать остатки с губ. Повторить.

– Я правильно делаю?

Плохая привычка – отвлечённые разговоры во время траха.

– Да, мне хорошо.

– Я устала, хахахаха. Прости.

Тогда просто не двигайся. Я сам тебя выебу. Держи голову прямо, у тебя такие густые волосы – сплошное удовольствие, не бойся, я их не вырву, просто подержусь за них, закрою тебе уши, пробиваться к тебе сквозь слуховые каналы – бесполезная трата времени и слов, которые ты не воспринимаешь. Я подарю тебе кольцо, такое же большое и круглое, как твой рот. Я не знаю точных размеров, но это уже дело техники, дело моего отношения к тебе, гибкая девочка. Гибкая, как твоё же представление о любви.

– Тогда теперь моя очередь.

Кей ещё немного подрочила мне, подёрнула мошонку, затем я попросил её лечь на бетонный блок. Что она и сделала, широко расставив ноги. Юбку и обувь она не снимала.

Теперь на колени встал я. Гладил её по животу, играл с сосками, она схватила мою руку и засунула один из пальцев себе в рот. Когда мне надоело, я освободился и засунул этот палец ей в пизду. Выбритая, но не очень гладко, некоторые волоски сильно отросли или вовсе не подвергались бритью. Я приблизился – ничем не пахнет, кажется, что снаружи кожи больше, чем нужно, но она мягкая, податливая, я легко её раздвигаю и вылизываю Кей, не вынимая палец.

«– Кей, как вы себя чувствуете? Из чего состоит ваш рацион? Выпиваете? Курите? Как вы думаете, чем обусловлены высыпания на коже слева и справа от влагалища? Какая связь с частотой и жёсткостью половых актов? Небольшие тонкие надрезы, трещинки, лопнувшие сосуды, хорошая капиллярная сеть, устойчивый, ничем не затруднённый приток крови – вам не обязательно знать мелочей, мы возьмём у вас мазки и кусочки ткани для исследований. Больно не будет, скорее неприятно. Вы не видите, что у вас внутри, и не увидите, пока не почувствуете – эрозия шейки, выпадение матки.. У вас кровь густая, как ваши волосы. У меня нет цели лишить вас желаний, мы всего лишь лишим вас возможности – на какое-то время. Для вашего же здоровья».

– Я хочу твой хуй.

Поднимаюсь, отряхиваю колени, кладу ноги Кей себе на плечи и вставляю. Она сдавликает ногами мою голову; внутри её пизда намного меньше, чем казалась снаружи, Кей стонет, что я ебу не её саму, а матку. Притормаживаю.

– Нет–нет–нет, продолжай.

Я предлагаю сменить позу. На члене кровь.

– Месячные?

– Нет. До них ещё пару недель. Так, ерунда, не обращай внимания.

Разворачиваю Кей лицом к дереву, поднимаю юбку, вставляю. Она держится за дерево, стонет и всхлипывает, я держусь за её грудь – она не помещается в моей ладони, тем лучше – я больше люблю соски, перекаत्याю их между пальцами, мне важно само ощущение, сам факт

соприкосновения соска и подушечки пальца, твёрдый, волоски на ореоле и вокруг неё, нервные окончания, мне даже не интересна твоя задница, Кей, как и сама возможность воспользоваться твоей дыркой.

– Становится больно.

Я сажаю Кей на бетонный блок, прошу её поставить ноги на него же. Подхожу, мы целуемся, она ложится на спину, мышцы её влагиалища напрягаются – мне понадобилось всего несколько движений – и я готов. Сперма стекает с лобка Кей, вытекает из её пизды, смешанная с кровью, скрывает все эти плохо выбритые участки, время вязнет в этом потоке, Кей оживает, когда я вытираю выделения влажной салфеткой, мягко прикасаясь ко всё ещё возбуждённой коже. Она ведёт себя как ребёнок после посещения зоопарка.

– Уууф, ну, было круто, хахахаха. Спасибо!

Кей приподнимается, садится на бетонный блок, массирует грудь.

– Интересно, нас кто-нибудь видел?

– Тебя это сильно волнует?

– Нуу..в какой-то степени, хахаха. Меня бы возбуждала слезка, если бы я точно о ней знала. А так..

Красный. Первым делом нужно перейти на красный. Нежный розовый – не мой цвет, значит кровь не приливает в необходимом количестве. Кому будет нужна эта донорская доза? Её просто не примут. А если примут, то не станут никому переливать. Твой гематоген – это я. Мощная струя выбивает все недосказанности и утайки из-под ободка твоего унитаза, из-под ободка твоих глаз, каблучки высекают искры, подсвечивая пляски близких к бытовому помещательству. Твоя искра – это я. Одна единственная. Тебе хватит, ты всё равно не сможешь её переварить, не сможешь потушить или разжечь заново. Когда низкие облака скрывают верхних жителей Москвы–сити, нет никого, кто бы сомневался в их существовании. Тебе легче просто поебаться со мной, чем объяснять, почему это невозможно. Легче, чем объяснять, куда исчезло НЕТ из твоего личного набора слов.

Кей принялась шнуровать свой корсет. Я уже натянул шорты и курил, разглядывая масляные разводы на Яузе сквозь ветки деревьев. Какое продолжение тут просматривается? Как бы это выяснить ненавязчиво, скользнув рукой под тугой каркас корсета, вылизав её наждачной бумагой – ей это понравится, низким голосом нависнуть в пригородной электричке, объявляя станции, на которых она уже не сможет выйти, что дальше, Кей, мы могли бы поспать, но кровать слишком узкая для двоих.

– Хочу ещё, только не здесь.

И не сегодня – сначала вытри кровь с моих губ, она безвкусна, как ты иногда, но она ярче, её лучше видно, она привлекает ненужное внимание, в следующий раз я покрашу тебе ногти – твоей собственной вагинальной кровью. Ты не так часто их красишь, но обычно выбираешь оттенки менструального цикла.

– Я готова. Пойдём?

– Ты домой?

– Да, обещала помочь бабушке с какой-то хернёй по дому.

– Бабушка тоже считает это хернёй?

– Хахаха, я не знаю. Просто обещала помочь и всё.

– Тогда пойдём.

Кей в балетках, кровавая мозоль отчётливо видна в её походке – она прихрамывает. Я беру её под руку, мы идём и молчим.

Около метро мы прощаемся, договариваемся, что пообщаемся чуть позже и Кей, уже спускаясь по лестнице в тоннель, вполборота кричит:

—

Нет, не кричит. И это не Кей.

Она медленно наступает на ступеньки и не оборачивается. Постепенно теряется из виду, замолкает шум опаздывающих электричек.

«Кости. От неё остались только кости. Но ничего, потом она расплелась на гормональных. Пухленькая, как обожравшийся щенок. И такая же неуклюжая, движения стали плавными, долгими, контроля над ними стало меньше, реакции замедлились. Кушала столько же или даже меньше, но всё выблёвывала в туалете или в ванной, включив душ на полную – думала, никто не услышит. Ха, внимания только привлекала больше. Теперь её легко обездвижить, можно, конечно, подстраховаться и привязать к стулу или к кровати, как раньше, но она всё равно далеко не уйдёт и кричать не будет. Тут же не только гормональные. Да хоть обкричись».

Кей вообще не кричит. Она молчит и использует силу.

Party 5

Впервые я попробовал траву именно с Пеликаном. Мы встретились около дома культуры минут за 15 до начала занятий, весной, и это был один из редких дней, когда мне не хотелось играть даже на любимом духовом инструменте. Вместо этого можно было пойти попинать мяч или подёргать рычажки контроллера плейстейшн, ни в одном из этих занятий сильно не напрягаясь. Но я выбрал тенор и общество Пеликана.

Он веселился как обычно, скакал по ступеням, картавил свои безобидные проклятия и курил практически без перерывов. Всё—таки остановился, подошёл ко мне вплотную и зашептал, шагая на месте и извиваясь как раненый удав:

– Теперь твоя очередь.

Улыбнулся, широко, насколько позволил рот, поправил серьгу в ухе и вынул из кофра самокрутку.

– Что это?

Я был недостаточно испорченным, чтобы прочесть этот жест. Секс и рок—н—ролл уже есть, а о наркотиках я не думал – любые мысли отшибало "Очаковское крепкое", 2.25 после обеда.

– Покури.

– Я уже накурился, не хочу сейчас.

– Так, Рэ, ты меня обижаешь. Поджигай и затягивайся, только дым удержи, не выдыхай сразу.

Хуй с тобой, Пеликан.

Он бьёт мне с правой в плечо, я замахиваюсь ногой, Пеликан закрывает яйца и грудь руками. У него зубы сейчас от такой улыбки повываливаются, думаю я, и глаза – он тарашится на меня, ждёт, волосы взъерошены, блядь, королевский пингвин – я пытаюсь вспомнить размеры. Раскуриваю. Вдыхаю. Задерживаю. Секунд на 5–7. Выдыхаю.

– Ещё, ещё!

– пингвин засуетился, забегал вокруг меня, хлопая ластами и хватая себя за щёки. Или он бил себя по щекам, потому что пальцев на ластах нет. У меня нет для тебя рыбки, думаю я, можем вместе сходить и купить, если настаиваешь.

Я делаю вторую затяжку. Задерживаю. 5–7 секунд. Выдыхаю. Отдаю самокрутку пингвину. Он трёт глаза и спрашивает, курлыкает и пищит, мне трудно его понять. Я прикладываю усилия:

– Ну как?

– Хорошо. Смешно и расслабленно.

– Отлично! Сейчас я добыю и пойдём разыграемся.

Во что пингвин хочет играть? У меня нет с собой рыбы. А у него нет яиц – не потому, что я их не вижу, а потому что он не самец? Ну, я так думаю. Если бы у него было яйцо, мы могли бы сыграть в «я, пингвин, несу яйцо». Проигравший моет вольер и выносит дерьмо.

Эти внутренние диалоги меня сильно рассмешили, перестать смеяться я не мог, сделал небольшой перерыв, когда пингвин, мыча и толкаясь, протянул мне клюв с зажатым в нём пузырьком – капли для глаз. «Нафтизин» или что—то вроде.

– Закапай себе в каждый глаз по несколько капель, а то нас спалят. Рэ, я серьёзно, давай уже.

– с деланной обеспокоенностью чирикал он. Я не понимал причины его беспокойства. Глаза. Капли. Где связь? Можно надеть очки. Нет, наш военный будет против – типа всё строго, типа мы – его личная духовая гвардия, «пойдёшь служить в оркестр – тебя ещё и в жопу поцелуют, и трубу будут натирать каждый день». Натирать трубу каждый день.. Дуть в трубу.. Кто

будет дуть в мою трубу? Надо не дуть, а играть, издавать приятные звуки, когда хранилище переполнится, всё выйдет наружу.. Клапан. Надави на клапан – и потечёт. И это в армии?! Дунь мне в жопу, полковник, а то на клапан давит. И всё выйдет наружу, потечёт, как..

– Рэ, пошли. Ты весь флакон уже вылил себе на ебало.

Пингвин или Пеликан выхватил у меня пузырёк, залил мне глаза какой-то хуйнёй, вызывающей слёзы, и начал подталкивать ко входу в дом культуры. Я отбивался, искал платок, чтобы протереть глаза и лицо. Нашёл. Как—то неуклюже вытер влагу или, скорее, просто размазал её. Когда мы вошли, военного ещё не было, трое наших сидели над каким-то журналом с обзором игр, инструменты стояли в стороне.

Один из оркестрантов, Пит, подняв глаза от журнала:

– О, Пеликан, ну ты как всегда. Играть—то сможешь?

Пеликан промолчал, вытащил саксофон, проверил клавиши, мундштук и заиграл.

– Что за..

– прошипел Пит. *Metallica*, «*Unforgiven*». Пеликан закрыл глаза, лицо покраснело, на лбу проступили вены, он сосредоточился на саксе, на нотах – никаких промахов, пальцы работают как запрограммированные, медь инструмента блестит, плавится от нагнетаемой силы и тут же становится крепче, пропитанная драйвом и уверенностью Пеликана. Таким я его ещё не видел. Я видел распиздяя, способного на слабые шуточки, нескладного и многими презираемого чувака, которому эти уроки «игры на духовых инструментах» не очень-то и нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.